

Николай СВАНИДЗЕ:

Жанр камерной телеаналитики временно скончался

Известия.
- 2000. -
- 17 нояб. - с. 12

Сванидзе войдет в историю отечественного ТВ в желтом свитере, в котором он вел подпольные эфиры «Вестей» в августе 91-го. Последние пять лет он был главной говорящей головой РТР, однако в этом сезоне променял это место на роль ведущего экспериментального ток-шоу. В эфирной студии информационно-идеологического флага канала — программы «Зеркало» — теперь стоят стульчики, а на них — путейцы, милиционеры и прочие живые люди, которые у нас на ТВ обычно присутствуют лишь в качестве аккуратно нарезанной на монтаже массовки.

— Чего вы пытаетесь добиться, так радикально сменив формат «Зеркала»?

— Удав Каа время от времени должен менять кожу, и мне хочется того же. В старом формате программа «Зеркало» существует с весны 96-го: она пережила две информационных войны и дважды президентские выборы. Но сейчас такую программу делать скучно: баррикад нет, Родину защищать толком не от кого, обрушиваться тоже особенно не на кого... А скармливать зрителю чистую аналитику и игру собственного ума — это, конечно, неплохой тренинг для самого журналиста, но по сути дела тоска зеленая. Я не хочу сказать, что жанр камерной телеаналитики умер. Но то, что он временно скончался, совершенно очевидно, и те мои коллеги, которые сегодня продолжают заниматься им, прекрасно это чувствуют.

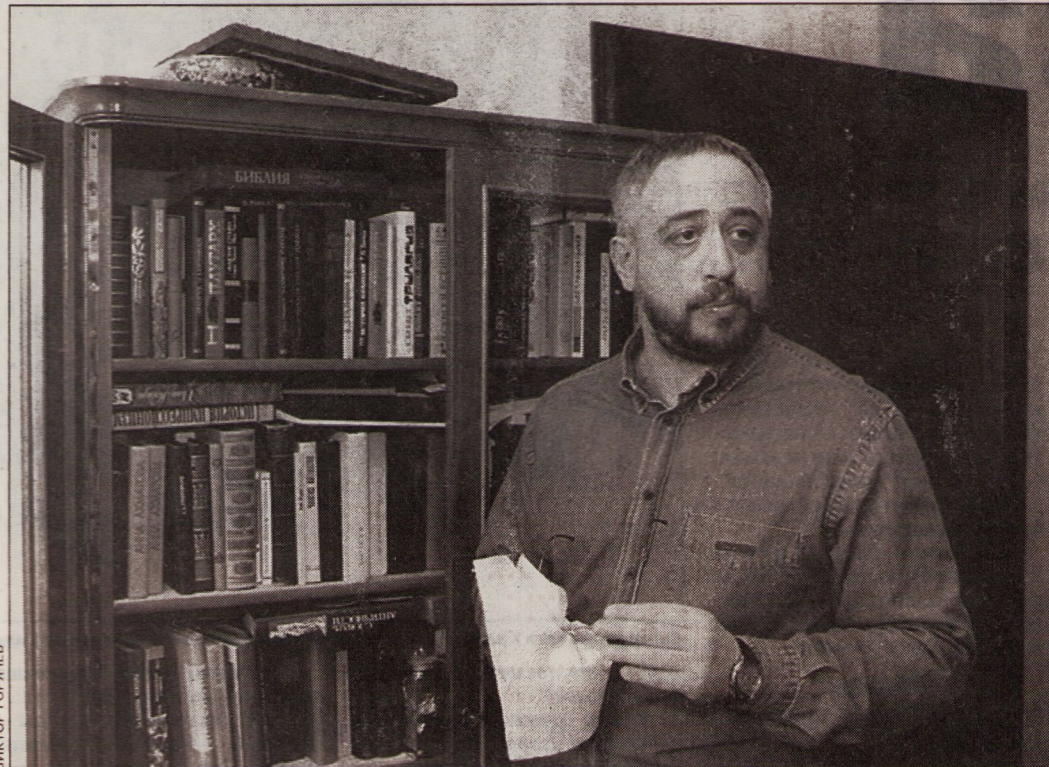
— В отличие от того же «Гласа народа», у вас упор сделан на нарочито неэкспертную публику — пресловутых «людей с улицы»...

— Ну, во-первых, часть публики все-таки экспертная, в определенных ситуациях без экспертов не обойтись. Однако мне и, думаю, зрителю тоже интересно, когда мнения специалистов перемежаются с реакцией нормального человека с улицы. И не только потому, что реакция эта зрителю близка и понятна. Нормальный телезритель, попав в студию, зачастую замечает то, чего не замечают эксперты.

— Нормальный телезритель, попав в студию, цепенеет и теряет дар речи.

— Да, конечно. Признаюсь, для нас это большая проблема. Скажем, на самый первый эфир к нам пришли дамы, которые просидели всю программу с такими каменными суровыми лицами. Я же не под наркозом работаю, вижу — что-то с людьми неладное творится... А студия у нас маленькая, заканчивая программу, я оказался прямо перед ними и стал свидетелем дивной метаморфозы. В ту секунду, когда эфир закончился, дамы расплылись в счастливых улыбках и сразу ко мне: «Ой, Николай Карлович, вам понравилось?» Я в недоумении: «Ну, я-то что... Вам понравилось?» — «Ой, вы не представляете, так понравилось, так понравилось!» А сидели мрачные, молчали. Видимо, рассудили, что так себя положено вести: позвали тебя в приличное место, так седи и молчи. Конечно, с аудиторией надо работать, искать способы ее как-то раскошегарить, еще на стадии отбора публики искать людей, которые не испугаются эфира. В конце концов успех и рейтинг программы зависят именно от темперамента людей, которые к нам приходят. Однако повторюсь: нормальный телезритель, «человек с улицы», если он не зажат и психически нормален, порой оказывается самым лучшим экспертом.

— Новый формат слабо приспособлен для, скажем так, ведения пропаганды. Согласитесь, студия со случайной, неэксперт-

ВИКТОР ГОРЯЧЕВ

ной публикой да еще в прямом эфире — это очень плохо управляемая конструкция. Как это соотносится с теми задачами, которые власть ставит сегодня перед РТР?

— Действительно, вести пропаганду в таком формате значительно труднее, и меня это совершенно устраивает. Если хотите, это для меня своего рода страховка, гарантия того, что в будущем от меня не станут требовать этой самой пропаганды, как могли бы ее потребовать, оставаясь я «говорящей головой».

— Думаете, будут требовать?

— В «мирное» время — при отсутствии острой политической борьбы — это никому не надо. А в «немирное» от меня ничего требовать не придется: я сам начну делать все, что считаю нужным.

Меня никто не заставит пропагандировать то, чего я не хочу, однако то, во что я верю, я буду пропагандировать сам, не дожидаясь приказа. Мне, кстати, никогда никто таких приказов не отдавал. Я знаю, что Олег Добродеев и нынешнее, скажем так, высокое начальство подобных требований ко мне не предъявит в любом случае. Но кто знает, как все сложится в будущем... Все ведь может измениться. Я знаю, что в нашей стране — при нынешней рутинной политической обстановке — может возникнуть соблазн слегка поприжать журналистов. А когда программа живая, командовать ею труднее, чем говорящей головой. Меня это устраивает, и, как мне кажется, это устраивает и Добродеева.

— Вы не считаете себя пропагандистом?

— Не считаю, не считал и вообще не люблю это слово применительно к себе. Я бы назвал это не пропагандой, а проведением своей позиции, некоей точки зрения, которую считаешь правильной. Это не обязательно политическая линия, скорее этическая.

— Слабо верится, что ваша этическая линия всегда совпадает с генеральной линией партии, проведение которой в жизнь — одна из главных задач гостелевидения.

— Совершенно справедливо. Тем более что «генеральная линия» никогда не бывает нормальной — у любого думающего человека всегда будут к ней претензии. Но при этом у любого серьезного

издания или канала есть жесткая редакционная политика. Соблюдать ее уважающий себя человек может только в том случае, если она совпадает с его внутренними убеждениями. Соврать, чтобы сошло с рук, можно один раз. Если врать все время, это будет просто неталантливо, неинтересно, и никто не станет это читать или смотреть. В 91-м году, когда я пришел в тележурналистику, «генеральная линия» гостелевидения с моими убеждениями по большому счету совпадала. Возникали разногласия в каких-то тонкостях и извивах, но могу сказать, что я себе не изменял: если в каком-то случае не мог сказать все, что считал нужным, я просто избегал этих тем. Но по ключевым вопросам разногласий не было. Пожалуй, это моя профессиональная и личная удача: приди я на ТВ несколькими годами раньше, мне было бы трудно работать.

— Вы согласны с тем, что в результате последней информационной войны единое телесообщество в России погибло?

— Мне тоже так кажется. Надо сказать, что серьезные проблемы с этим были и раньше. Еще в 97-м, во время первой информационной войны, кто-то с кем-то чай в буфете пить уже перестал. Но сейчас все, конечно, гораздо серьезнее. На уровне руководства разных каналов и известных журналистов мало кто пьет вместе чай.

— Вам не кажется, что это крайне опасно, учитывая степень влияния ТВ на общественное сознание?

— А что прикажете делать? Взяться мизинчиками и хором сказать «дружить-дружить-дружить»? Время лечит. Кто-то начнет снова здороваться за руку, кто-то нет. Сейчас телесообщество вообще серьезно меняется. Что-то отойдет на задний план и забудется, что-то нет. Большой беды я в этом, признаться, не вижу.

Роман ВОЛОБУЕВ